

Юрий Башмет

нашел свою мечту на вокзале



Особое очарование нынешней новогодней поре в музыкальной жизни Москвы придал альт, который у нас, современников Юрия Башмета, прочно связан с его именем. Только что закончился Второй международный конкурс альтистов, жюри которого он возглавлял. Музыкант со своим оркестром «Солисты Москвы» принял участие в Декабрьских вечерах, 5 января выступает на сцене Малого зала Консерватории.

— Хорошей музыки для альтя написано мало, может, потому-то этому инструменту никогда не удавалось пробиться в солисты. Фактически вы стали крестным отцом альтя в мире...

— Я прошел весь репертуарный круг, состоящий из небольшого количества шедевров: сонат Брамса, Шуберта, переложений Баха, а также произведений Шостаковича и Шнитке. Есть также для альтистов музыка у Хиндемита и Регера...

Так получилось, что я оказался первым среди альтистов, кто исполнил эти шедевры во многих музыкальных столицах мира. Что происходит дальше? Если я сыграл в Париже один раз удачно, меня приглашают еще, второй, третий, а на четвертый у меня великих произведений уже нет. Конечно, можно повторить что-нибудь опять, но невозможно всю жизнь заниматься одним и тем же. И я увлекся дирижированием.

— Поэтому и родились «Солисты Москвы»?

— На альте я не могу, например, исполнить Струнную серенаду Чайковского или 2-й концерт Рахманинова, которые я с детства очень люблю. А с камерным оркестром у меня появились невероятные возможности и с первым, и с нынешним составом «Солистов...», который и существует благодаря поддержке международного промышленного банка.

— Извините, что напоминаю вам неприятный факт — предательство первого состава музыкантов...

— Сейчас я рад, что тогда пришлось расстаться со старым составом: была исчерпана почва отношений. После того как они решили остаться без меня во Франции, я решил, что больше не буду брать на себя руководство коллективом: это невероятно тяжело держать в руках столько характеров и жизней. Ведь и сегодня неясно, где гений, а где злодейство... В каком-то смысле их предательство можно оправдать. Каждый для себя выбирает сам степень риска и способ жизни.

В той ситуации очень помогли близкие люди. Профессор Консерватории Нина Львовна Дорлиак сказала: «Юрочка, ведь столько замечательных молодых людей, и вы им очень нужны. Надо начать с ними работать». Это первое, что меня подтолкнуло. И второе: все ангажементы того оркестра были моими, поэтому создавать новый коллектив имело прямой смысл... Через несколько недель мы поехали в Париж и выступили в знаменитом зале Плейель.

— А как сложилась судьба музыкантов, оставшихся во Франции?

— При создании камерных оркестров очень важны идеи — и программные, и стилевые. Но даже если есть изумительный лидер, а имя его никому не известно, то коллективу будет очень трудно. Тот старый мой оркестр так и пропал, хотя, наверное, они где-то выступают. Но ни один уважающий себя музыкант уже не возглавит его после того скандала.

На Западе эпоха камерных оркес-

тров уже как бы закрывается, а концертное вообще находится в кризисе. У нас же камерные оркестры вступают в пору расцвета.

— Попасть на концерты Башмета сложно, но, к счастью, послушать его сегодня можно. С какими звукозаписывающими фирмами вы работаете?

— Оркестр сделал запись концерта Шнитке на фирме EMI, диск выйдет в свет в апреле будущего года. Но в дальнейшем, видимо, будет не EMI, потому что сам сейчас перехожу с одной фирмы на другую, и от этого будет зависеть, с кем в дальнейшем будет сотрудничать оркестр.

— Старшее поколение музыкантов сетует, что им часто приходится разочаровываться в молодых музыкантах. Это ревность или реальность?

— Думаю, больше ревности. Хотя есть некоторые основания для таких разочарований. Никто из молодых не продиржирует так же великолепно русскую музыку, как, к примеру, Евгений Федорович Светланов.

Я очень много общаюсь с молодежью — и в оркестре, и в Консерватории, вижу их друзей. В телевизионных передачах встречался с молодыми музыкантами — Луганским, Руденко, Мельниковым. Они читают книги, много слушают, берутся за аутентичную манеру исполнения старинной музыки. В наше время ничего не было этого, и я порой у них даже учусь. Нам не хватало в Консерватории камерного музицирования, потому что всегда воспитывали только солистов-лауреатов.

— Сегодня многие мечтают попасть в ваш «Вокзал мечты» на ТВ. По какому принципу вы приглашаете гостей?

— Очень просто. Вычисляю магнетизм и обаяние личности.

— Раньше на телевидении бы-

ли многие интересные музыкальные передачи. Например, Ольги Доброхотовой. Жаль, что они утрачены...

— Да, жаль, но это не только утешение, но веяние времени. Сегодня все стоит денег, а те передачи не были рейтинговыми: они были интересны вам, мне, музыкантам и людям, любящим музыку. А сегодня главное — рейтинг, поэтому экран заполнили игры. В этом ошибка времени, но, я надеюсь, она будет исправлена. Классическая музыка — это не роскошь и не прихоть. Не все знают, кто был царем, когда Петр Ильич Чайковский сочинял свою гениальную музыку. А когда говорят о русском человеке того времени, то представляют его через музыку Чайковского. Конечно, существует история России, но эмоционально нация воспринимается всегда через культуру. А классическая музыка в искусстве адекватна вере в жизни.

— В программе «Вокзал мечты» часто речь идет о династиях в искусстве...

— Тема традиций мне очень нравится. Считаю не совсем верной поговорку о том, что природа отдыхает на детях гениев. Леопольд Моцарт был очень уважаемым человеком и известным педагогом по скрипке. Но его сын Вольфганг Амадей стал Моцартом, благодаря которому об отце будут помнить в веках. В нашей сегодняшней жизни много таких примеров. Дети Леонида Когана — и Нина, и Павел — очень профессиональные музыканты.

— Ваша дочь Ксения уже выступает на профессиональной сцене. Сможем ли мы в ближайшем будущем говорить о музыкальной династии Башметов?

— Если так пойдет и дальше, то есть шанс, что из нее получится музыкант. Ей очень повезло: она застала мою маму, которая была по-

трясающим человеком. Она сделала меня. Во Львове занимался всем на свете: играл в футбол, ездил на велосипеде, играл на скрипочке, а потом на альте. Когда увлекся гитарой, то мама купила мне и гитару.

Музицирование у Ксюши очень естественное. Но пока я не слышал всплесков озарения, она не играет так, как Женя Кисин в этом возрасте. Правда, выступала со мной в Бетховен-зале в Берлине, и был успех. Но это еще пока ничего не значит...

— Юрий Абрамович, вам часто задают вопрос, не собираетесь ли вы уехать из России?

— И уехать, и сбежать можно было сотни раз. Еще в тяжелое время, когда не было где жить и когда не давали концерт в Большом зале Консерватории. И то, и другое в конечном итоге получилось. Там я получил бы все это беспрепятственно и сразу, но потерял бы то, чем дорожу здесь, то, из-за чего не уезжаю.

Не думаю, что меня любит публика, допустим, во Франции, так же, как в России, хотя там тоже полные залы. Здесь я чувствую себя дома, здесь я свой. И там я чувствую себя уверенно, потому что у меня есть дом.

Может быть, у великих, у того же Ростроповича или Гидона Другое ощущение. И у меня оно могло быть таким же. Но хотите, назовите это какой-то трусостью, хотите, мужеством, но если меня силой не вытолкнут, то я не уеду никогда.

Маргарита МАРУТЯН.
Фото Виктора АХЛОМОВА.